

этого владычества въ одномъ Неаполѣ. Несмотря на кажущееся несоотвѣтствіе объема статьи и сравнительной маловажности предмета, она даетъ читателямъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе. Читатель постепенно увлекается живостью изложенія и уже съ большимъ интересомъ слѣдитъ за мастерскимъ изложеніемъ нѣкоторыхъ эпизодовъ, особенно осады Гаэты, сраженія при Майдѣ и борьбы съ возставшими калабрійцами. Кудрявцевъ, кромѣ того, умѣетъ внушить читателю участіе къ Жозефу, то съ добродушной проной выставляя на видъ его слабыя стороны: „какъ у него, по примѣру Наполеона, начинала проявляться манія переставлять династіи съ мѣста на мѣсто, чтобы при общей пересадкѣ соблюсти свои собственные интересы“, или указывая, „какъ долженъ былъ позабавиться Наполеонъ надъ печальнымъ припадкомъ героизма въ неаполитанскомъ королѣ“; то осуждая Жозефа за то, что онъ, несмотря на свое доброе сердце, начиналъ понемногу входить въ духъ наполеоновской системы; наконецъ, все-таки отдавая справедливость брату Наполеона за „честность его собственныхъ побужденій“ — „здѣсь особенно чувствуется глубокое различіе между двумя братьями, и гениальность одного и посредственность другого нѣкоторымъ образомъ уравниваются между собою различною мѣрой ихъ нравственныхъ качествъ“.

Главный же интересъ придаетъ очерку стоящій вдали, но живо ощущаемый въ событіяхъ величественный образъ Наполеона, котораго читатель можетъ изучать и въ гениальныхъ его свойствахъ, и въ его слабостяхъ — по его письмамъ и внушеніямъ брату. Послѣ извѣстной мастерской характеристики Наполеона у Тэна, русскимъ читателямъ будетъ пріятно знать, что уже Кудрявцевъ подыскивалъ тотъ же ключъ къ объясненію этой поразительной личности. И для Кудрявцева онъ прежде всего „величайшій кондотьеръ своего времени“. Въ интимной его перепискѣ, по замѣчанію Кудрявцева, преимущественно выказывалась „особенность его породы, образовавшейся еще прежде его самого, подъ вліяніемъ исключительныхъ историческихъ обстоятельствъ“. Порода эта итальянская. „Итальянскую кровь въ Наполеонѣ не убило ни воспитаніе, ни долгое пребываніе на иной почвѣ, среди другого народа“. По письмамъ Наполеона къ брату читатель видитъ его безъ прикрасъ, знакомится съ его грабительскими и безпощадными инстинктами, съ его презрѣніемъ къ толпѣ и равнодушію къ крови, которыя были условіями его кондотьеровскихъ успѣховъ и его историческаго призванія — положить предѣлъ революціи. Наполеонъ глумится надъ жалобами